

ЖИЗНЬ

БЮЛЛЕТЕНЬ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ЗНАНИЕ ЦЕНА 10 КОП.

БРЕМЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ

БЕЗОПАСНОСТИ

Доктор биологических наук профессор Н. Воронцов хорошо известен в ученом мире как своими научными достижениями в области экологии, так и прогрессивными общеполитическими взглядами. На первой сессии Верховного Совета СССР он, несколько неожиданно для себя, получил «портфель министра» — был избран председателем Государственного комитета СССР по охране природы.

Спустя 4 месяца, в канун второго Съезда народных депутатов СССР, с Н. ВОРОНЦОВЫМ беседует обозреватель «НТР» Ф. Владов.

— Николай Николаевич, что для вас оказалось самым неожиданным из новом месте?

— Пожалуй, то, что уже принятые прекрасные решения о создании единой государственной системы охраны природы в стране остались совершенно не подкрепленными материально. До сих пор у нас не только не разработаны экономические механизмы экологической политики — это нам еще предстоит сделать, — у нас элементарно нет денег.

Между тем уже созданные в республиках и областях службы охраны природы, мягко говоря, не укомплектованы иной раз даже самыми необходимыми приборами для анализа загрязненности воздуха, воды, земли. Централизованного снабжения также сегодня нет, и реально помочь своим службам мы, к сожалению, почти не в состоянии. Можно, конечно, пойти с протянутой рукой к представителям тех или иных богатых ведомств, но сумеем ли мы тогда остаться независимыми?

Поэтому одной из важнейших задач для меня станет восстановление централизованной службы госзаказа на оборудование для природоохранных органов.

Кроме измерительной аппаратуры нам необходимы компьютеры и компьютерные сети, по которым в единый центр непрерывным потоком должна поступать и здесь обрабатываться экологическая информация. Тогда в каждый момент времени экологическая ситуация в любом регионе страны была бы у нас как на ладони. А пока... С помощью телеграмм, в лучшем случае телексов, мы получаем краткие сведения, что, например, в таком-то месте в результате инерсии образовалось загрязнение воздушного бассейна. Это медленно и мало даже для обычного ухудшения обстановки, а что уж говорить об аварийной ситуации или, не дай бог, катастрофе...

Конечно, в стране есть службы, занимающиеся экологическим мониторингом. Но они опять же либо находятся в ведомственном подчинении, и тогда их данным не всегда можно доверять, либо принадлежат Госкомгидромету, и тогда вполне могут собирать сведения или не те, или не там, где это нужно Госкомприроде. Нам необходима собственная служба, причем весьма мобильная, оснащенная специально оборудованными машинами, катерами, вертолетами и т. п.

— Но для создания такой службы потребуются весьма значительные средства...

— Взглянем на такие цифры. Сейчас в СССР на охрану природы выделяется около 1,5 проц. валового национального продукта. Между тем мировой опыт подсказывает, что если выделяется меньше трех процентов, то отпущенных денег хватает лишь на содержание персонала — естественно, не только занятых непосредственно в комитете — и на принятие самых срочных мер.

Увеличив расходы до пяти процентов, можно стабилизировать экологическую ситуацию и даже постепенно улучшать ее в местах, не попавших в зону экологического бедствия. Для решения же проблем, связанных с такими зонами, требуется уже 5—10 проц. валового национального продукта.

— Но вы же не рассчитываете получать подобные суммы из госбюджета?

— Конечно, нет. Уже сейчас в 50 городах и областях страны идет эксперимент: все штрафы за загрязнение среды, за сверхнормативное пользование ресурсами (например водой) и т. п. идут в местный фонд охраны природы и могут расходоваться только на природоохранные цели. А с 1991 года предполагается по всему Союзу ввести такой порядок: 85 проц. штрафов в местный бюджет, 10 — в область, а оставшиеся 5 проц. во всесоюзный фонд.

Важно не просто штрафовать предприятия-нарушители. Обязательно надо поощрять тех, кто ценой большого напряжения внедрил, скажем, ресурсосберегающую технологию, применил более высококачественные очистные сооружения — словом, заметно повысил экологичность производства. Такие работники должны получать повышенные премии и другие стимулы, чтобы они — а на их примере и все остальные — понимали: охрана природы — дело не только нужное, но и выгодное.

— Вы надеетесь на решение уже названных или иных экологических проблем на предстоящем Съезде?

— В проекте доклада Н. Воронцова кратко излагаются основные моменты долгосрочной экологической программы на 13-ю пятилетку и до 2005 г. Работа над ней сейчас завершается в Госкомприроде. К этой программе мы привлекли лучшие научные силы страны и думаем после Съезда направить ее в Госплан и другие государственные органы, чтобы там ее параграфы обогатили соответствующими показателями.

Нужно сказать, что буквально в последние дни эта задача неожиданно усложнилась. Ведь изначально предполагалось нормализовать экологическую обстановку в стране к 2005 г., на этот срок и была рассчитана программа. Но недавно Верховный Совет принял резолюцию о неотложных мерах по нормализации экологической обстановки и ту же задачу поставил уже на ближайшую пятилетку — т. е. на срок втрое меньший.

Как профессиональный эколог я, конечно, всей душой поддерживаю такое решение, но как председатель Госкомприроды не могу не задаться вопросом — а какие под этим реальными ресурсами? И пока, к сожалению, не имею на него ответа. Однако эта задача поставлена — нужно искать. Думаю, в каждом конкретном месте искать по-своему. Одни пути будут в Кривом Роге, где катастрофическое положение

связано с воздушными выбросами, другие — в Белоруссии или в Украине, в районах, затронутых Чернобылем.

— Если доклад Н. И. Воронцова будет одобрен. Будет ли у нас утвержденная программа Госкомприроды или одновременно разрешены ли проблемы с ресурсами?

— Думаю, что программа будет утверждена, а ресурсы — это вопрос.

должно стать массовое образование того, что без выделения больших средств на охрану природы положение здесь не изменится. Пора понять, наконец, что на одних лозунгах далеко не уедешь. Да, нужна пропаганда, нужно «Зеленое движение», очень нужны экологическое образование и самообразование, нужны и средства. И больше средств. Иначе мы в лучшем случае с помощью различных запретов не будем усугублять ситуацию. Но нужно-то предупреждать те беды, которые уже есть сегодня...

— А у комитета есть реальное право «вето»? Могут ли вы на деле запретить строительство или остановить производство?

— Конечно, такое право у нас есть. Более того, в 1990—1991 гг. мы по заданию Верховного Совета должны провести экспертизу всех мало-мальш значительных энергетических проектов. Но вот что касается действующего производства. Если мы встанем на формальной позиции, то закрыть придется чуть ли не все промышленные предприятия, и жизнь в стране остановится. Поэтому здесь пока приходится искать некое промежуточное решение между желаемым и возможным.

— Своего рода границу между «просто плохим» и «очень плохим»?

— Да. Но даже в случае «просто плохого» мы уже сейчас должны иметь ясную технологическую перспективу и возможность в каком-то году и с помощью каких мер здесь действительно улучшить экологическую обстановку. И тут, с моей точки зрения, очень важно дать роль местным Советам. Они должны понимать, что если ситуация будет ухудшаться, то придется задуматься о...